

Мельков А.С.

**«Дела их ходят вслед их». Святитель
Филарет Московский и протоиерей
Александр Горский
А.С.Мельков**

«Подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох.»
(2Тим.4:7)

В истории русской духовной мысли, да и всего русского богословия одним из самых сильных примеров нравственных и поучительных предстают перед нами взаимоотношения двух выдающихся личностей – святителя Филарета Московского и протоиерея Александра Васильевича Горского.

Святитель Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), без сомнения, является крупнейшим деятелем в истории Русской Церкви XIX столетия. Соединив в себе черты церковного иерарха и ученого богослова, государственного мужа и подвижника благочестия, проповедника и поэта, он был одним из тех людей, которые избраны самим Богом к миссии высшего духовного водительства. Святитель Филарет Московский (1782–1867) прожил долгую жизнь: «Буквально от покоренья Крыма и до великих реформ»¹. Только на Московской кафедре его служение протекало почти полвека (с 1821 по 1867 гг.), а авторитет его к концу жизни был таков, что современники именовали его Митрополитом Всероссийским, природным Патриархом Русской Церкви. Среди всех великих дел, положенных святителем Филаретом на благо Церкви и Отечества, особо выделяется его роль в деле становления русской Духовной школы и народного образования.

Имя протоиерея Александра Васильевича Горского (1812–1875), ректора Московской Духовной Академии, талантливого ученого, историка Церкви, пастыря, педагога и богослова является одним из самых светлых в истории отечественной Духовной школы. Личность протоиерея Горского многогранна. Много удивительных явлений связано с этой личностью.

Промыслительным образом Господь благословил этим двум великим людям жить в одно время, вместе созидать и утверждать русскую богословскую науку и отечественную Духовную школу. Но не только

официальные, деловые отношения связывали великого иерарха с великим тружеником науки, сближение пошло глубже и носило характер искренних и трогательных отношений отца и сына. Это, конечно, случилось не сразу – пока юный Горский набирался опыта, он находился в тени уже известного на всю Россию Московского архипастыря, но уже в то время, митрополит Филарет, несомненно, оказывал колоссальное влияние на будущего протоиерея.

Личность святителя Филарета стала для Горского путеводной звездой с того самого дня, как последний переступил порог Московской Духовной Академии. От юности имея исключительные дарования, в Академию Горский поступил почти мальчиком, в шестнадцать лет, из философского класса Костромской семинарии, на два года раньше нормального срока. Поступив в Академию, Горский сразу подвергся незримому действию той духовной атмосферы, какую создал в ней строгий и внимательный во всем к себе и другим митрополит Филарет.

Святитель Филарет на протяжении большей части своей подвижнической жизни был связан с Московскими Духовными школами – как студент, как наставник, как архипастырь. После вступления на Московскую кафедру святитель Филарет встал к Академии в еще более близкие отношения, как ее непосредственный глава. Эта связь, продолжавшаяся в течение 46 лет, обусловила поразительное явление в ее истории: состоя в продолжение почти целого полувека под водительством одного вождя, она в течение всего этого периода сохраняла удивительное единство духа и направление образования. «Школа, которую проходила Академия в филаретовскую эпоху была сурова; больше прецедентов, чем одобрений и похвал получали от своего строгого начальника даже ее наилучшие работники, но основанная на указанных нравственных началах, эта школа и создала из академической корпорации совершенно особенный тип ученого монастыря. В понятии «монастыря» заключается идея послушания: Академия воспитывала людей, послушных долгу; в понятии «ученый» заключается идея свободы: – Академия воспитывала людей, признающих за собой право собственных убеждений и уважающих чужую свободу»².

Вот в такой атмосфере и учился будущий ученый, в той же атмосфере он пребывал и после того, как стал молодым преподавателем в ставшей ему родной Академии. Как наставник Горский был подчинен ректору, конференции Академии и власти правящего архиерея. Эта цензура не была формальностью. И самой ответственной была цензура святителя Филарета, которому преподаватели Академии каждый год через конференцию

предоставляли краткие записки о том, что они прочитали за это время студентам. Кроме того, святитель Филарет нередко требовал для просмотра и сами тетрадки с лекциями. Из писем друга А.В. Горского архимандрита (впоследствии архиепископа) Филарета Гумилевского видно, что он давал ему советы, как правильно излагать свои мысли в подаваемых на цензуру записках, как вести беседу с митрополитом на экзаменах, которые тогда были экзаменами не только для студентов, а в большей степени для самих профессоров. «Мне кажется, – писал ректор архимандрит Филарет Александру Васильевичу, – что если ваш опыт на беду составлен будет не вовсе по его мыслям, то вы тем вызовете его на бой открытый и без нужды растрогаете его вспыльчивый характер. Надобно наперед узнать его мысли... Не надобно силой настаивать. Это сочтут за упорство, за действие своеволия – и сочтут, может быть, справедливо. Тогда (чего сохрани Бог) и хорошее назовут нехорошим. Зачем же перед ним и настаивать на своем? Я и после могу сделать то же, что теперь защищаю слегка, когда т.е. мысль моя свята. И меня никто не укорит за это. Я поступаю по убеждениям совести»³.

Однако советы и указания друга не предотвратили «открытого боя» между Горским и митрополитом Филаретом на публичном экзамене 2 июля 1837 года, когда у них зашел оживленный спор о правильности некоторых положений по предмету лекций, которые предоставил Александр Васильевич на суд владыке. Подробное описание этого случая записано в дневнике Горского: «Нынешний день, на испытании, мне привелось держать довольно длинный диспут с Владыкою по предмету лекции... он стал слушать представленное для испытания из Новозаветной истории: о распространении и угнетении христианства после Апостолов до Константина... Прослушав краткие замечания о странах, в которых вновь христианство распространилось, начал делать снова замечания на статью о препятствиях к распространению христианства, и с самого начала на разнообразное направление духа империи и духа христианского общества. «Что такое дух? Могли ли Вы сами обнять и исследовать дух христианства? Могли ли вместить в головы Ваших студентов? Ныне странное направление в истории. Смотрят на человечество, как на одного человека, и усвоят ему то то, то другое общее направление. Прекрасный взгляд на историю"... При дальнейшем чтении этой статьи, он начал нападать с другой стороны: «к чему эти теории? Надобно излагать исторические факты». Послушав еще немного, заметил: «после этого будут оправдывать всех гонителей христианства. Они действовали по законам: как недавно один жид доказывал, что смерть Иисуса Христа

произнесена по справедливости законов"... Когда начали читать о влиянии философии на образ мыслей о христианах, преосвященный опять сделал замечание: «все теории. Вы говорите о сектах, а о св. мучениках говорить не будете?"... При окончании рассмотрения нравственных причин, Владыка заметил: «вот Вы, кажется, главное-то и упустили. Слона-то и не заметили. Главною причиною гонений против Христианства было языческое суеверие. А вы об нем – ни слова». Я отвечал на это, что об этом сейчас будет сказано. Причины религиозные поставлены в третьем разряде препятствий к распространению христианства. – «Вашим разрядам, сказал Владыка, конца не будет""⁴.

Это столкновение подтверждает ту мысль, что контроль митрополита Филарета над профессорами и их деятельностью был очень строгий⁵.

Но требовательный и строгий святитель Филарет уже тогда уважал Горского, доверял ему, ценил его труды и знания, выделяя его среди других педагогов. 19 января 1837 года Горский был возведен в экстраординарного профессора, а 9 сентября 1839 года стал ординарным профессором Московской Духовной Академии.

Шли годы, А.В. Горский превратился в известного ученого, знания и опыт которого высоко ценили люди науки по всей стране. Но не только светские ученые и богословы дорожили научными познаниями Горского, сам митрополит Московский Филарет пользовался его указаниями и советами. Митрополит посылал на просмотр Горскому свои проповеди исторического характера, беседовал с ним по вопросам церковной жизни, спрашивал его мнения по различным возникавшим в обществе вопросам, например, относительно исправления Устава Духовных Академий, о гражданском браке, преподавания богословия в университетах, Земских соборах и др.

Митрополит просил Горского написать Устав Общества Любителей Духовного Просвещения, сделать отзывы на некоторые книги. По желанию святителя Филарета Горский разъяснил «Свидетельство о Литургии преждеосвященных Даров», приписываемое Никите Стифату или Пекторату в книге против латинян «Об орошении Тела Христова Кровию». Горский дал комментарии и на письмо Феодора Студита к Папе Льву III. Именно на это письмо ссылались католики в доказательство главенства Римского епископа⁶. Также Горским по предложению митрополита Филарета были изданы поучения и составлены жизнеописания Кирилла II, митрополита Киевского⁷, митрополитов Московских Петра⁸ и Алексея⁹. Эти биографии древних святителей Московских можно считать образцовыми произведениями.

Митрополит Филарет во многих важнейших вопросах церковного управления, в которых Синод требовал от него совета, сам искал совета и ученых указаний Александра Васильевича и в них находил твердую наукообразную опору для своих правительственных распоряжений¹⁰. Так по благословению святителя Филарета в 1860 году А.В. Горский, принявший к тому времени священный сан, был отправлен в Петербург, где участвовал в работе Комитета по преобразованию духовных училищ¹¹. Поэтому не случайно «в Московской Духовной Академии ходит предание, что поразительный блеск канонических и исторических обоснований в знаменитых резолюциях Филарета во многом обязан Горскому. Такого же происхождения и обстоятельные реляции Филарета в св. Синод»¹².

Требовательный к подчиненным, митрополит Филарет благоволил к Горскому, отличал и награждал его. Со своей стороны Александр Васильевич уважал владыку, благоговел перед его умом, часто встречаясь со своим митрополитом. Горский знал пылкий характер святителя, его требования, взгляды и умел вести дело так, чтобы не наводить на себя напрасный гнев. Ни одни сочинения из представленных на суд митрополиту, не проходили так благополучно, как побывавшие перед этим у Горского.

Но в этих близких отношениях святителя с Горским заключалась и определенная сложность для Александра Васильевича, который хорошо знал сам и не скрывал от других, что не все его исследования можно сделать известными для читающей публики. «Для себя я занимаюсь», – писал он известному ученому историку и филологу Михаилу Петровичу Погодину, – «как могу и сколько могу, готов сообщить вам свои замечания. Но положение дел наших церковных и мое личное положение не позволяет говорить печатно, что по совести ученый может и должен сказать в своем кабинете»¹³. В другой раз в своем дневнике 19 июня 1836 года Горский записал: «Вчера рассказывал ректор (архимандрит Филарет Гумилевский), что владыка в беседе о рассуждениях, между прочим, выразил свою мысль о недостатке у нас сочинений духовных. Ученые духовные наши, говорил он, ничего не пишут. Да и как писать? Что ни будет написано со старанием раскрыть новую сторону в предмете, – все это покажется ересью»¹⁴. Конечно, строгий митрополит не мог заставить Горского в тиши кабинета мыслить так, как хотелось начальству, но он имел власть и силу влиять на внешнее выражение мыслей Горского и допускал это. Поэтому Александр Васильевич никогда не забывал соблюдать осторожность в словах и на бумаге, поэтому мало печатал своих работ, часто не раскрывая в них даже своего имени. В этом, однако,

нет особой вины святителя Филарета, не его «личный деспотизм» душил богословскую мысль, сама атмосфера недоверия и подозрений, царившая в обществе в то время, накладывала соответствующий отпечаток на Духовную школу и политику государства по отношению к Церкви. К тому же, и сам митрополит Филарет неоднократно подвергался цензуре и даже преследованиям со стороны гражданской власти и Святейшего Синода¹⁵.

Не все современники Горского понимали это. Особенно горячо возмущался М.П. Погодин: «Зачем вы отдаете их на просмотр владыке. Это ведь долгий ящик. Я не понимаю вашего страха иудейского? Раб вы что ли? Кто имеет право на вашу мысль и дело? Во всяком случае, статья без имени автора никакого вреда причинить вам не может. Такого деспотизма вообразить трудно, или лучше такого восточного подданства. Вы, вы сами виноваты»¹⁶, – писал ученый Горскому 22 ноября 1842 года. В другой раз, 20 октября 1847 года Погодин внушал Александру Васильевичу: «Вот клеймо... аго...аго семинарского воспитания, рубцы деспотизма, которые самые лучшие и высокие души сгладить в себе никак не могут. Простите моей откровенности! Если бы я не любил вас искренно, то никак не смел говорить подобным образом. Пособил здесь и NN тяжестью своего ума и характера! Все московское духовенство как бы заколдовано, идохнуть свободно не может»¹⁷.

А известный историк Сергей Михайлович Соловьев прямо обвинял святителя Филарета в том, что он своим деспотизмом заглушил огромное дарование Горского. «В ужасном состоянии находилась духовная академия и семинария... Мумию сделал он из Горского, одного из самых даровитых и ученейших между профессорами духовной академии»¹⁸. Верен ли подобный отзыв? Конечно, нет, и святитель Филарет здесь совсем не причем. Справедливо об этом говорит А.П. Лебедев: «Нимало не подходит к отзывчивой и гуманной личности А.В. Горского наименование «мумия». Не говоря о том, что наименование это оскорбительно для такого ученого человека (да и бывают ли мумии с колоссальным умом и человеколюбивым сердцем?), А.В. Горский не был рабом традиции, каким его выставляют»¹⁹.

Но все же этот отзыв С.М. Соловьева часто принято повторять без проверки, несмотря на то, что такое обвинение очень даже ложно. Верно другое – то, что у Горского в характере и в его мышлении всегда чувствуется какая-то внутренняя связанность и нерешительность. «Но это был не страх перед чьим-нибудь осуждением или мнением, пусть даже и мнением епископа, это была некая духовная мнительность. И «засушил» Горского вовсе не святитель Филарет. Он сам себя останавливает на

каждом шагу из какой-то внутренней боязливости... У него был и какой-то глубокий духовный надлом, надлом умственного характера»²⁰. Справедливо современники писали о Горском, что «чем обширнее становятся его познания, тем, по-видимому, увеличивается и его недоверие к себе»²¹. Непонятый людьми, он продолжал любить их, свою любовь старался проявить во всегдашней готовности помочь каждому.

Интересным эпизодом во взаимоотношениях святителя Филарета с протоиереем А.В. Горским предстает история описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Это обширное книгохранилище, составленное на основе древнерусских собраний, было организовано в 1721 году. К середине XIX столетия богатства библиотеки весьма возросли. Исключительную ценность здесь представляло и представляет до наших дней именно собрание славянских рукописей XI-XVIII веков, общее число которых более тысячи и среди которых есть немало действительно уникальных. Между тем этот весьма ценный материал оставался научно не востребованным: за неимением настоящего указателя или каталога к нему, им почти не возможно было пользоваться, хотя нужда в использовании всего этого богатства для ученых историков появилась уже давно. Светские исследователи, занимавшиеся исторической наукой, не раз упрекали, и вполне справедливо, духовные власти в их нежелании исправить положение.

Наконец, инициативу положительно разрешить возникшую проблему взял на себя митрополит Московский Филарет. В мае 1849 года он писал ректору Московской Духовной Академии архимандриту Алексию (Ржаницыну), впоследствии архиепископу Тверскому: «Говорят, – чужие люди предпринимает без нас для синодальной библиотеки то, о чем я давно думаю, не достигая дела, – именно составление отчетливого каталога, и даже помышляют о напечатании. Посему скажите цензорам, чтобы, если что в сем роде явится в цензуру, удержать от пропущения, без представления Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встретится. Но как желательно нам самим, так и нужно, сделать дело, за несделание которого могут укорить: то поговорите с г. Горским, не возьмется ли он за сие дело с несколькими сотрудниками, которых можно было бы взять в Москве и которых дело он направлял бы и поверял, посещая Москву по временам. Займитесь сею мыслию и дайте мне ответ»²². Очевидно, что замысел митрополита Филарета относительно Синодального книгохранилища был в том, чтобы ввести весь этот новый рукописный материал в научный оборот сразу же с надлежащим толкованием в русле церковной традиции. Поэтому и хотел он это поручить «своему» человеку,

которым являлся А.В. Горский, не желая допустить вмешательства «чужих», светских исследователей. Письмо иерарха Московского решило дело. После разговора ректора с Горским Александр Васильевич взялся за дело²³.

Описание рукописей, при непосредственном участии Горского, тянулось целых 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати, с именем Горского и его активного помощника К.И. Невоструева шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 книг и рукописей. Первая книга «Описания» вышла уже в 1855 году. В этом первом томе рассмотрены все славяно-русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и, прежде всего, Библия архиепископа Новгородского Геннадия по спискам XV-XVII веков, а так же отдельные списки XII-XVII веков Евангелия, Апостола, Псалтири, Пророчеств и так далее. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 года, и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами²⁴.

Но именно этой первой книге, а, следовательно, и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться навсегда в неизвестности. Широта, многосторонность, критическое направление устроенного авторами предприятия по изданию описания рукописей, научная новизна и смелые решения к которым они пришли, едва не послужили главным препятствием к появлению их труда в печати. Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант был представлен Горским святителю Филарету в сентябре 1852 года. Митрополит отправил рукопись для рассмотрения в Синод, снабдив исследование своей рецензией. Труд Горского и Невоструева был представлен ординарному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Иоанну (Соколову), состоявшего членом Комитета Духовной Цензуры²⁵. Этот цензор отличался двумя чертами: придирчивостью и полным неуважением к чужим мыслям, сумев вооружить против себя даже самых безобидных людей²⁶. И к порученной ему на рассмотрение первой части «Описания» он отнесся со свойственными ему приемами. Архимандрит Иоанн дал отрицательный отзыв об «Описании» и высказался против его публикации.

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос печатания «Описания» довольно серьезно. При той недоверчивости, с какой в то время относились к опубликованию древнерусских церковных памятников, такой отзыв мог вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и нашей науки дело

описания рукописей было близко и дорого святителю Филарету, а цензору не было сил бороться с авторитетом святителя. Отзыв не решил исход дела. А святитель решил проучить заносчивого цензора. По благословию митрополита Филарета Горский должен был составить подробное объяснение на возражения и требования цензорской рецензии. Горский взялся за дело и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом, ответ был готов. Сам документ озаглавлен так: «Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора)»²⁷.

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. В серьезном, научном стиле ответ на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий, но не только как отпор всем замечаниям критика. Здесь видно, как Горский буквально преследует цензора до конца, избличая преувеличенность его выводов и коварность замыслов. Этот ответ действительно является не только апологией «Описания», но и своеобразным обличительным словом на отзыв цензора. Отстаивая все выводы «Описания», относительно истории Священного текста, Горский с особенной энергией защищает научную постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблагоприятным и бесполезным для общего чтения рассматриваемый труд может признать только придиричивый взгляд, отягощенный ложными суждениями. В некоторых местах «Апология» оставляет свой официальный тон и возвышается до лирического воодушевления. На требование цензора устранить научно-критическую составляющую часть Горский отвечает энергичными словами с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой²⁸.

Тем же летом 1853 года «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому, что «представленное в Синод описание разрешено к напечатанию, так как оно есть и защищено вами, без исключения исследования»²⁹.

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящим ответом А.В. Горского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени святителю Филарету. Не будь его во главе всего предприятия, такой цензорский отзыв, как отзыв архимандрита Иоанна мог вполне погубить все дело. Поручая своему соратнику К.И. Невоструеву преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал: «Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и

постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним, и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства»³⁰. И это искреннее чувство благодарности к святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А.В. Горским, должно быть близко всякому, кто переживает и дорожит успехами русской науки.

Когда в печати уже выходили тома «Описания» в жизни Александра Васильевича случилось знаменательное событие. В октябре 1859 года ему поручено было митрополитом Филаретом составить краткую записку о том, «необходимо ли требуют канонические постановления, чтобы приходские священники были женаты, и на каком основании, и с какого времени утвердился у нас обычай рукополагать не иначе, как когда предназначаемый к рукоположению вступит в брак»³¹. Горский принялся за работу, и вскоре оказалось, что несколько страниц, составленной им справки, имели крайне важное значение для его собственной судьбы.

Горский давно желал принять сан священства, но обязательное церковное требование предварительно вступить в брак не позволяло Александру Васильевичу сделать этого. А как видно из прошлой жизни Горского, родительский запрет не позволял ему принять и монашество³². О желании Горского знал митрополит Филарет. Он решил посвятить Горского в иереи против существовавшего обычая. Следствием такого намерения митрополита и было повеление Горскому составить исследование относительно безбрачия белого духовенства. Очевидно, святитель Филарет хотел заранее удостовериться, не встретят ли его планы канонического препятствия.

Горский исследовал предложенный ему вопрос и, в итоге, пришел к такому заключению: «канонически не было воспрещено рукополагать во священники и диаконы из безбрачных; но вследствие разных причин само собою, как в Греции, так и у нас на Руси, ввелось в обычай поставлять только вступивших в брак»³³. Такой ответ удовлетворил митрополита, который благословил Горского писать прошение на священническую хиротонию.

В своем официальном прошении митрополиту Филарету 12 марта 1860 года Горский писал, что желание быть служителем алтаря он питает в себе уже давно, а не вступает в семейную жизнь в связи с расположением к ученым занятиям. Горский заверял священноначалие в

том, что с помощью Божьей, он достаточно уже испытал себя в таком состоянии, и потому просит удостоить его священного сана и причислить к какой-либо церкви, имеющей свободное священническое место, но не требующей настоятеля, с тем, чтобы он мог по-прежнему продолжать свою службу при Духовной Академии³⁴. Владыка велел Консistorии предоставить справку о священнических вакансиях и на этой справке 22 марта 1860 года положил следующую резолюцию: «1) На основании 6 правила Шестого вселенского собора, проф. А. Горский дает непреложное обещание и подписку, что по вступлении в священство, пребудет безбрачен до конца жизни. 2) Проф. Горский назначается во священника к кафедральному собору. 3) К исповеди, и, если не окажется сомнения, к присяге и посвящению»³⁵.

В частном письме Горский писал святителю Филарету: «С благоговением приближаясь к Престолу благодати, во глубине души сознаю и великость обещаемого дара, и мое недостоинство. Но, вкусив сладость и самой надежды, снова предаю себя благонисхождению Вашему, и, припадая к стопам Вашим, дерзновенно прошу довершить надо мною дело благодати»³⁶. Здесь видно, как с детства обладавший особой чувствительностью и ранимостью, Горский переживал о предстоящем рукоположении. Он очень ответственно, с особым вниманием решался на такой важный в жизни шаг, как принятие на себя благодати священства. О том, какое настроение было у Александра Васильевича перед хиротонией, свидетельствует его письмо преосвященному Леониду (Краснопевкову), епископу Дмитровскому. Какой-то радостный трепет и вместе боязнь, и смущение овладевали тогда всей душой ставленника. Горский не просил, почти умолял владыку Леонида: «Поддержите духовною помощью первые шаги решаемого приблизиться к престолу благодати. Достоинство сана велико, а недостоинство, не смотря на долгое приготовление неготовой жизни, безмерно. Оставляя все внешние соображения, я думаю сосредоточить мысли и чувства на себе самом, чтобы глубже почувствовать великость дара благодати и с большим дерзновением уповать повергнуться в бездну щедрот и милосердия Божия»³⁷.

После получения благословения святителя Филарета были решены все формальности, и 25 марта 1860 года Александр Васильевич Горский в Чудовом монастыре был посвящен в диакона, а 27 марта в Успенском Соборе Московского Кремля он был рукоположен во священники³⁸ к Московскому кафедральному Архангельскому собору³⁹.

Случай производства в священную степень безбрачного – небывалый в тогдашней церковной практике Российской Церкви. Только у католиков

существовало, да и теперь существует обязательное безбрачие священства, так называемый «целибат». Но в нашей Церкви практически не было таких прецедентов. По крайней мере, до Горского известен только один случай целибата⁴⁰, когда в 1845 году в Новоархангельске преосвященный Иннокентий Вениаминов (впоследствии митрополит Московский) «безбрачного церковника Ермолая посвятил во священство»⁴¹. Понятно, поэтому с каким возбуждением было принято в обществе как духовном, так и светском известие о рукоположении Горского.

О том, какое впечатление это распоряжение митрополита Филарета произвело тогда в Москве, можно судить по следующему письму одного из духовных лиц к Рязанскому архиепископу Гавриилу (Городкову): «Ради праздника сообщу Вашему Высокопреосвященству необычайную новость. Изволили Вы знать Профессора нашей Академии, Г. Александра Васильевича Горского? Он доселе был не женат, а в монашество не хотел вступить, а Священником желал быть, лишь бы не жениться. И его желание, наконец, исполнилось. Но основании 6 правила 6-го Вселенского собора, Владыка, взяв с него подписку не вступать в брак, посвятил его, в Благовещение, в Чудове монастыре, в Дьяконы, а в неделю Ваий, в Соборе Успенском, в Пресвитера Архангельского Собора, с оставлением службы при Академии. И это сделал без сношения с Синодом. Теперь только и толков по Москве, что о Г. Горском. Подивитесь, вместе с нами, случившемуся в нашей древней столице. Горскому же от роду около 50 лет»⁴².

Действительно, в московском обществе поднялся настоящий шум: говорили об этом все, говорили много, и «за», и «против». По воспоминаниям Д.Н. Толстого «рукоположение Александра Васильевича было так ново, что породило тогда много толков даже в наших салонах, обыкновенно крайне безразлично относившихся к церковным событиям. По общему у нас неведению канонов встречались даже сомнения в правильности его рукоположения; иные смешивали целибат с монашеством и спрашивали, почему он не носит клобука»⁴³.

В декабре того же 1860 года ректор Московской Духовной Академии архимандрит Сергий (Ляпидевский) был переведен на епископскую кафедру в Курск. Тогда в первый раз зашла речь о назначении протоиерея Горского ректором Академии, но митрополит Филарет отклонил это. Вот, что писал он Обер-прокурору Синода А.П. Толстому 7 января 1861 года: «Ректора Академии еще нет. Видно, есть в сем деле сомнение. Слышу, что некоторые желают, чтобы ректором Академии был прот. Горский. Желая сего и я; и для сего предлагал ему вступить в монашество, но он остался

твердым в своем давно принятом расположении. Если угодно, чтоб он был ректором и у него будет в подчинении архимандрит инспектор, то это будет вступление, хотя еще мало приметное, но уже примерное для будущего, вступление на путь желаемого некоторыми церковного переворота, вопреки древнему постоянному правилу, поставить белое духовенство выше монашествующего. Да не поколеблются опоры дома Божия»⁴⁴. Как видно, осторожный святитель Филарет боялся переворота в церковном сознании и отклонил кандидатуру Горского. Тогда свой выбор митрополит остановил на ректоре Московской Духовной семинарии архимандрите Савве (Тихомирове). Его рекомендовал иерарх Московский как человека с характером твердым, который способен взять в Академии бразды правления⁴⁵. Так архимандрит Савва стал ректором Академии, но пробыл на новой должности около полутора лет: в сентябре 1862 года он был назначен викарием Московского митрополита (впоследствии архиепископ Тверской).

Место ректора снова освободилось. Теперь митрополит Филарет уже прямо стоял за протоиерея Горского. Видно в этом владыку убедил наместник Сергиевой Лавры архимандрит Антоний (Медведев), духовник митрополита. Наместник спрашивал святителя: «Почему вы не хотите назначить Горского?» – «Он белый священник, не монах», – отвечал святитель. «Какой он белый? Он серый и теперь, может быть склонится быть черным; а вам покойнее избрать постоянного ректора, чем заботиться вновь о замещении этого важного места»⁴⁶. После этого разговора митрополит окончательно склонился назначить ректором Горского. Еще до назначения архимандрита Саввы епископом, святитель Филарет писал Обер-прокурору Синода А.П. Ахматову: «Если бы избрание Саввы утвердилось, то ректором Академии мог бы назначен быть профессор прот. А. Горский, достойный сего по учености, долговременной службе и нравственному достоинству. Не будучи монахом, он также как монах, всего себя посвящает духовной учености и исполнению академических обязанностей, не развлекаясь ничем посторонним»⁴⁷.

Когда архимандрит Савва, уже назначенный епископом Можайским, явился к митрополиту Филарету и узнал о своем повышении, владыка спросил его: «А кого же ты рекомендуешь на свое место?» Отец Савва назвал ректоров Московской и Вифанской семинарии и инспектора Академии. «А почему же не рекомендуешь протоиерея Горского?» – «Владыка! Да разве это возможно?» – с изумлением спросил архимандрит Савва. «Почему же нет?» – «В таком случае, это будет самый лучший выбор. Отец протоиерей Горский и достойнейший и самый прочный для

Академии будет начальник. Но почему же вы не изволили назначить его, вместо меня, после архимандрита Сергия?» – «Тогда было не время», – ответил митрополит Филарет⁴⁸. А то неудобство, что ректор протоиерей в служении должен был становиться выше архимандрита инспектора, было устранено пожалованием отцу Александру митры, эту мысль митрополиту внушил архимандрит Савва⁴⁹.

Слово митрополита имело значение в Синоде, и Горский 23 октября 1862 года был назначен ректором Московской Духовной Академии. Извещая об этом протоиерея Александра, святитель Московский писал ему: «Примите должность ректора с послушанием. Полагаю, что вам надобно будет принять и кафедру богословских наук. Сообразите и прочие последствия происходящей перемены и скажите мне ваши мысли. Надеюсь, что вы поступите по уставу святого послушания, и Господь благословит ваше послушание плодами добра и мира»⁵⁰.

Таким образом, с благословения и при поддержке святителя Филарета протоиерей Горский стал первым в истории русской Духовной школы ректором Академии из белого духовенства. Назначение ректором протоиерея Горского было воспринято в Академии и за ее стенами не без удивления, но с большим сочувствием. На личность отца Александра все возлагали большие надежды: думали, что он в Академии поднимет авторитет ректорской должности, поддержит кафедру богословия, будет добрым начальником для студентов, станет и на страже Православия, дав обществу и Церкви новых поборников христианства.

После этого важного события в жизни протоиерея Горского произошло еще одно: митрополит Филарет сделал попытку склонить его к принятию монашества. В середине января 1863 года святитель поручил заместителю Лавры архимандриту Антонию (Медведеву) переговорить с Горским о принятии им настоятельства в Московском Богоявленском монастыре, со вступлением в монашество, сохранением должности ректора Академии и обещанием скорого возведения в сан епископа. От такого предложения Горский пришел в смущение, и вот какие мысли он оставил в специальной записке, написанной по этому поводу: «Нужно ли изменение звания для настоящего моего служения? Кажется, нет. Или хотят перевести на другое поприще действованья? Но разве Академия мало открывает дела усердию? Разве бесполезно для церкви служение воспитателя высшего духовного училища? Разве церковь не должна иметь в Академии для себя опору, пользуясь добросовестными трудами ученой опытности ее членов? Конечно, я не могу тем похвалиться, чтоб обещать доброго делателя на этом поприще служения. Но может быть что-нибудь и

даст Бог совершить, когда поглубже войду в настоящее мое положение, поближе познакомлюсь с областью моей новой науки. Разве изменят мне силы? Чувствую уже, что за такие труды надлежало бы приниматься гораздо ранее моих настоящих лет»⁵¹.

Но на этом испытания отца Александра не закончились. В Москве за Божественной Литургией 7 февраля 1862 года протоиерей Горский сослужил митрополиту Филарету. Здесь он вновь услышал повторение того желания святителя относительно монашества, которое ему было высказано через архимандрита Антония в Лавре. Желая знать на то волю Божью, отец Александр тут же помолился и раскрыл книгу Нового Завета. Ему открылось Евангелие от Марка: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. И взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не меня принимает, но Пославшего Меня» (Мк.9:35–37). В этих словах Священного Писания Горский усмотрел о себе определение воли Божьей: «Не желать высшего положения в обществе, но быть последним из всех и слугой всех»⁵².

Во время ректорства протоиерея Горского в 1864 году был широко отмечен пятидесятилетний юбилей реформированной Академии, той самой Академии, которой Горский отдал всю свою жизнь без остатка. Обозревая сделанное за этот немалый полувековой срок, митрополит Филарет с удовлетворением констатировал значительное влияние Академии на духовенство Москвы в отчете по Московской епархии за 1863 год: «Духовенство столицы, составленное частью из получивших академическое образование... в значительной степени преимуществом пред прочим духовенством епархии как просвещением, так и нравственным характером... и сопровождается соответственным тому влиянием на прихожан»⁵³.

В другом документе, ходатайствуя о поддержке и награждении Академии в связи с ее юбилеем и характеризуя ее достижения, митрополит Филарет говорит о ее высоком достоинстве, а также о преданности профессоров родной Академии. «Я поступил бы несправедливо, – указывает он, – если бы просил Московской Академии менее, нежели в подобном случае даровано Петербургской. Скажу скромно, если скажу, что достоинство Московской Академии никак не ниже в ученом и нравственном отношении в православном направлении... Почтенная черта наставничества Академии, между прочим, есть та, что они, при скудном содержании, не переходят в другую выгоднейшую службу, даже по приглашению»⁵⁴.

Через несколько месяцев после юбилея Академии, 3 февраля 1865 года по ходатайству митрополита Филарета «по вниманию к богословско-историческим сочинениям и ученому достоинству их» протоиерей А.В. Горский был возведен в степень доктора богословия⁵⁵.

В свою очередь, протоиерей А.В. Горский любил, уважал святителя Филарета, благоговел перед ним: «святитель наш», «милостивый святитель», «владыка» – только так и назвал он маститого иерарха⁵⁶.

5 августа 1867 года Русская Церковь торжественно отпраздновала 50-летний юбилей служения святителя Филарета в архиерейском сане. В храмах Троице-Сергиевой Лавры были совершены праздничные Богослужения прибывшими на торжество десятью архиереями в сослужении более тридцати архимандритов. Присутствовали также многочисленные депутаты от разных епархий и учебных заведений из лиц белого духовенства. В этот день о юбиляре молились не только в Лавре, но и во всех уголках великой России; молились в православных храмах Европы, Азии и Африки – столь велик был авторитет Московского святителя.

Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский с трогательным словом обратился к великому иерарху: «...Твоему пронизательному взору предоставлено было обозреть первые опыты трудящихся в Академии, и направить их стремления вернее к целям духовного образования. И с той поры доныне неусыпным взором Ты следишь за всеми движениями мысли в области высшего учения, и даешь немощному силу, благому преспеяние. Под твоим охранением процветало и цветет здесь любомудрие, послушное вере; под Твоим блюдением в уроках богословия всегда проповедовалась чистая истина Христова, – не было колебаний, не было *ей* и *ни*, но всегда было твердое *ей*... Тебе Господь открыл язык образов и сеней мира ветхозаветного, в котором самая история была пророчеством; Тебе доступна и глубина Боговедения апостольского. Но как пастырь стада Христова, Ты хотел, прежде всего, чтобы сокровища спасительного учения были открыты для всех. Твоим преимущественно подвигом Слово Божие становится доступным для простых умов и сердец народа Русского... Благословен Бог, даровавший нам такого Первосвященника, Благословен Бог, ущедривший Его благословением долгоденствия в высоком служении Церкви...»⁵⁷

После своего юбилея святитель Филарет прожил всего несколько месяцев. Его телесные силы таяли. Святитель сам предсказал свою кончину. 17 сентября 1867 года своему духовнику архимандриту Антонию (Медведеву) он сказал: «Я ныне видел сон, и мне сказано: береги 19

число... Не сон я видел: мне явился родитель мой и сказал мне те слова. Я думаю с этого времени каждое девятнадцатое число причащаться Св. Таин»⁵⁸. И вот наступило 19 октября 1867 года, святитель совершил свою последнюю Литургию и, причастившись Святых Христовых Таин, через несколько часов отошел в вечность.

Осиротела Московская паства, осиротела вместе с ней вся Русская Церковь. Погребение святителя стало воистину торжественным шествием дел его вслед за ним. И едва ли повторится отпевание, подобное тому отпеванию, которое было совершено в Кремле, в Чудовом монастыре 25 ноября 1867 года. Во время заупокойной Литургии тело усопшего архипастыря «было внесено из церковной трапезы во внутрь самой Церкви. Чудотворец Алексей – в серебряной своей раке, и в кипарисовом гробе новопреставленный подвижник, около полувека занимавший его кафедру, – какое умиленное сближение!»⁵⁹ Вместо причастного стиха ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский, сам осиротевший от утраты любимого отца и владыки, произнес трогательное слово в похвалу блаженному своему учителю, которого неутомимые подвиги сравнивал с подвигами Апостола языков, ибо подобно ему он старался быть всем для всех. Исполненные печали, но нелишенные христианской надежды, слова ученого пастыря были обращены ко всем скорбящим по усопшему святителю: «...Светильник Церкви, которого благодатным светением мы желали и надеялись еще пользоваться, сокрылся, слушатели. Сокрылся, но не исчез. Мрак смерти не вовсе лишил нас света...»⁶⁰ В другом месте своего обширного слова протоиерей Горский говорит: «...Двери его дома всегда были открыты для всех имеющих нужду в разрешении душевных недоумений, для уязвленных в своей совести и ищущих умиротворения, – и всякого принимал он и врачевал духовно с любовью отеческою... Сам он, в келии Гефсиманской, среди ли столицы, всегда простой и строгий в образе жизни, всегда благоговейный молитвенник был образцом иночества. Но строгий инок не переставал быть горячим сыном общего всем Отечества, и пастырь стада Христова являлся мужем государственным... Во всех радостях и скорбях Царского Дома принимал глубочайшее участие, с молитвой в сердце, с словом духовным... Так проводя в труде и подвигах день и ночь, неуспынно, неутомимо, всегда имея в виду волю Господню и не личную пользу, но благо церкви, государства, общества, – верим, – мог он сказать, скончавая свое земное поприще: *Подвигом добрым подвизахся...* Не можем не плакать о лишении богомудрого руководителя и пастыря, но забывая скорбь о себе, все слезы и прошения сливаем в одну молитву: присоедини

его к церкви первородных на небесах написанных, и духом праведник совершенных"⁶¹.

Ненадолго пережил святителя Филарета и сам протоиерей Горский. Безмерное служение науке отразилось на его и без того слабом здоровье. В последние месяцы жизни протоиерей Александр описывал в дневнике свое тяжелое состояние⁶², а незадолго до кончины, словно чувствуя ее, он говорил: «С меня довольно, послужил»⁶³. В этих проникновенных словах сокрыто и скромное выражение чувства исполненного долга, и выражение благодарности Создателю.

До последнего издыхания неутомимый труженик науки продолжал свою подвижническую деятельность, проводя занятия у себя на квартире. Представьте себе картину, скорее семейную, чем школьную. За небольшим столиком с одной стороны на кресле помещался о. ректор, с трех остальных сторон на стульях – студенты. Старец-профессор, надломивший свои могучие силы, удрученный болезнью, с учащенным дыханием и прерывающимся голосом, но с той же задушевностью, действительно продолжал курс своих ученых лекций, когда уже немного оставалось ему до окончания и самой своей жизни. Студенты внимательно, теперь больше, чем прежде, слушали предсмертные уроки этого пламенного ревнителя науки, но с замиранием сердца замечали его угасание⁶⁴.

Наступило 11 октября 1875 года. Протоиерей Александр Горский, напутствованный Святыми Христовыми Таинами, мирно отошел ко Господу. Последними предсмертными словами покойного были: «Я хочу скорее домой»⁶⁵.

Погребение тела протоиерея Александра Васильевича Горского совершилось 14 октября 1875 года. Могила была приготовлена на том самом академическом студенческом кладбище близ Смоленской церкви, которое за несколько лет до своей смерти так заботливо устроил почивший ректор. Здесь, под тенью развесистого тополя нередко сживал покойный отец Александр, размышляя о высоких, непостижимых тайнах жизни загробной. Здесь же, оплаканного многими молитвами и слезами, приняла могила приснопамятного труженика науки. Так проводила в последний путь своего великого сына благодарная Академия.

Уже тогда современники отмечали духовную близость почившего ректора со святителем Филаретом. Панегиристы над гробом протоиерея Горского прямо так и говорили, что: «Дух великого иерарха осенял мысли и действия в Бозе почившего отца нашего и был для него всегдашним, достойным подражания, образцом и руководителем»⁶⁶.

Эта крепкая, основанная на любви к Богу, Церкви и людям, связь между святителем Филаретом и протоиереем Александром Горским, прочно сохраняясь на протяжении земной их жизни, почти мистическим образом перешла и в жизнь вечную. Видимым выражением этой связи служит знаменательный факт: 40 дней по смерти протоиерея Горского приходится на 19 ноября – день преставления святителя Филарета.

Замечательны и отклики на кончину приснопоминаемых подвижников, провозглашенные лучшими представителями своей эпохи.

Вот слова И.С. Аксакова: «Митрополита Филарета не стало... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, в которой весь русский мир слышал и ощущал свою собственную силу, – сила, созданная не извне, порожденная помощью личного духа, возросшая на церковной народной почве. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утешался народ... Угас светильник, полстолетия светивший на всю Россию не оскудевая, не померкая... Смежилось неусыпающее око мысли»⁶⁷.

Когда умер протоиерей Александр Васильевич Горский, его ученик профессор Н.П. Гиляров-Платонов сказал: «Необходимо воссоздать всю духовную личность покойного, личность колоссальную сказали бы мы, если бы нравственной высоте, высоте смирения, исполнения долга до самозабвения, мог приличествовать эпитет «колоссальности». Этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижнической жизнью соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится»⁶⁸.

Более столетия уже минуло с того времени, как два великих подвижника отошли в горний мир. Если кому-либо, то, конечно, именно к святителю Филарету и протоиерею Александру Горскому могут быть усвоены слова Откровения Иоаннова: «Блаженни мертви, умирающие о Господе... ей, глаголет Дух, да починут от трудов своих, дела бо их ходят вслед их» (Откр.14:13).

Примечания

- ¹ - Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 166.
- ² - Мельков А.С. Митрополит Филарет и Московские Духовные школы // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в областях гуманитарных, естественных и технических наук в 2003 году. М., 2004. С. 23.
- ³ - Цит. по: Попов С. Ректор Московской Духовной Академии прот. А.В. Горский. Сергиев Посад, 1897. С. 160–161.
- ⁴ - Дневник А.В. Горского / С прим. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 50–52.
- ⁵ - См.: Мельков А.С. Митрополит Филарет и Московские Духовные школы // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в областях гуманитарных, естественных и технических наук в 2003 году. М., 2004.
- ⁶ - Мельков А.С. Церковный историк протоиерей А.В. Горский: педагог, священнослужитель, учёный. М., 2004. (Машинопись). С. 70.
- ⁷ - Горский А.В. Кирилл II, митрополит Киевский и всея России // Там же. 1843. Ч. 1. С. 415–432.
- ⁸ - Горский А.В. Святой Петр, митрополит Киевский, и его исповедание веры // Там же. 1844. Ч. 2. С. 89–128.
- ⁹ - Горский А.В. Святой Алексей, митрополит Киевский и всея России // Там же. 1848. Ч. 6. С. 89–128.
- ¹⁰ - Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 315.
- ¹¹ - См.: Римский С.В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 291–294, 298–300.
- ¹² - Евсеев Е.И. Древности. Труды Славянской Комиссии Императорского Московского Археологического Общества. 1902. Т. 3. С. 64.
- ¹³ - Барсуков Н. П. Жизнь и труды М.П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 254.
- ¹⁴ - Дневник А.В. Горского « С прим. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 43–44
- ¹⁵ - См.: Флоровский Г. Указ. соч. С. 164–185, 187–189, 191–193, 202–210, 212–220, 222–225, 228–230, 333–335.
- ¹⁶ - ОР РГБ, ф. 231/1, к. 44, ед. хр. 45, л. 7 об.

- ¹⁷ - ОР РГБ, ф. 231/1, к. 44, ед. хр. 47, л.18–18 об.
- ¹⁸ - Соловьев С.М. Мои записки для моих детей, а если можно, то и для других // Вестник Европы. СПб., 1907. № 3. С. 76.
- ¹⁹ - Лебедев А.П. «Великий и в малом...»: Исследования по истории Русской церкви и развития церковно-исторической науки. СПб, 2005. С. 159.
- ²⁰ - Мельков А. Ректор Московской Духовной Академии А.В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 12. С. 47.
- ²¹ - Переписка профессора Московской Духовной Академии П.С. Казанского с А.Н. Бахмеевой // У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 554.
- ²² - Филарет (Дроздов), митр. Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843–1867. М., 1883. С. 45–46.
- ²³ - Горский А.В. Дневник / Под ред. С.К. Смирнова // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1884. Т. 34. С. 315, 319, 330.
- ²⁴ - Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1. Священное Писание. М., 1855.
- ²⁵ - Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 485.
- ²⁶ - Там же. С. 486.
- ²⁷ - Черновой вариант см.: ОР РГБ, ф. 78. к. 9, ед. хр. 2; Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 496–515.
- ²⁸ - Там же. С. 511.
- ²⁹ - Цит. по: Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 490.
- ³⁰ - Цит. по: Там же. С. 492.
- ³¹ - Попов С. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский // Богословский вестник. № 5. 1896. С. 261.
- ³² - Мельков А. Ректор Московской Духовной Академии А.В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал

Московской Патриархии. 2002. № 12. С. 48.

³³ - Цит. по: Попов С. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 5. С. 261.

³⁴ - Черновой экземпляра прошения см.: ОР РГБ, ф. 78, к. 1, ед. хр. 2, л. 1.

³⁵ - К биографии Ректора Московской Духовной Академии, А.В. Горского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 3. С. 156–157.

³⁶ - ОР РГБ, ф. 78, к. 20, ед. хр. 47, л. 1–1 об.

³⁷ - ОР РГБ, ф. 78, к. 22, ед. хр. 1, л. 3. А.В. Горский – епископу Леониду (Краснопевкому) от 9 марта 1860 г.

³⁸ - К биографии Ректора Московской Духовной Академии, А.В. Горского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 3. С. 157.

³⁹ - Воспоминания П.С. Казанского об А.В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 556.; Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А.В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 4.

⁴⁰ - Иркутские Епархиальные Ведомости. 1879. № 30.

⁴¹ - Барсуков И. Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 221–220.

⁴² - К биографии Ректора Московской Духовной Академии, А.В. Горского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 3. С. 158.

⁴³ - Толстой Д.Н. Александр Васильевич Горский // Русский архив. 1875. Т. 3. С. 474.

⁴⁴ - Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Кн. 1. С. 3–4.

⁴⁵ - Там же. М., 1886. Т. 4. С. 574.

⁴⁶ - Смирнов С. Александр Васильевич Горский // Богословский вестник. 1900. №11. С. 431.

⁴⁷ - Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Кн. 1. С. 323–324.

⁴⁸ - Савва (Тихомиров), архиеп. Указ. соч. 1899. Т. 2. С. 795–796.

⁴⁹ - Там же. 1901. Т. 3. С. 33; Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. М.,

1887. Т. 5. Кн. 1. С. 354–355.

⁵⁰ - Письма митрополита Московского Филарета к А.В. Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1882. Ч. 29. С. 551.

⁵¹ - Цит. по: Попов С. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 7. С. 53.

⁵² - Попов С. Ректор Московской Духовной Академии прот. А.В. Горский. Сергиев Посад, 1897. С. 98.

⁵³ - Сушков Н.В. Записки о жизни и времени святителя Филарета, митр. Московского. М., 1868. С. 139.

⁵⁴ - Филарет (Дроздов), митр. Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. М., 1887. Т. 5. Кн. 2. С. 624.

⁵⁵ - Савва (Тихомиров), архиеп. Указ. соч. 1901. Т. 3. С. 203, 210–11, 219–221, 230–231.

⁵⁶ - Попов С. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 12. С. 391.

⁵⁷ - Горский А.В., прот. Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетнего епископского служения митрополита Филарета // Православное обозрение. 1867. № 9. С. 12–13.

⁵⁸ - Из воспоминаний архимандрита Антония (Медведева) // Святитель Филарет (Дроздов): Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 899.

⁵⁹ - Из воспоминаний А.Н. Муравьева // Там же. С. 907.

⁶⁰ - Горский А.В., прот. Слово перед отпеванием митрополита Филарета // Православное обозрение. 1867. № 11. С. 8

⁶¹ - Там же. С. 15, 16–17.

⁶² - Отрывки из дневника А.В. Горского // У Троицы в Академии, 1814–1914 гг.: Юбилейный сборник исторических материалов « Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 486–492.

⁶³ - Цит. по: Смирнов С. Александр Васильевич Горский // Богословский вестник. 1900. №11. С. 440.

⁶⁴ - Троицкий Н. Воспоминание о протоиерее А.В. Горском † 1875 г. окт. 11-го дня // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Т. 3. С. 444–445.

⁶⁵ - Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А.В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 6

⁶⁶ - Цит. по: Попов С. Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А.В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 12. С. 405.

⁶⁷ - Отклик И.С. Аксакова на кончину святителя Филарета // Святитель Филарет (Дроздов): Избранные труды, письма, воспоминания. М., 2003. С. 900.

⁶⁸ - Гиляров-Платонов Н.П. Собрание сочинений. СПб., 1899. Т. 2. С. 464.

Содержание

Мельков А.С. «Дела их ходят вслед их». Святитель Филарет Московский и протоиерей Александр Горский	1
А.С.Мельков	
Примечания	20